

Случай из практики. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://chekhovanton.ru/> Приятного чтения!

Случай из практики. Антон Павлович Чехов

Профессор получил телеграмму из фабрики Ляликовых: его просили поскорее приехать. Была больна дочь какой-то госпожи Ляликовой, по-видимому, владелицы фабрики, и больше ничего нельзя было понять из этой длинной, бестолково составленной телеграммы. И профессор сам не поехал, а вместо себя послал своего ординатора Королева.

Нужно было проехать от Москвы две станции и потом на лошадях версты четыре. За Королевым выслали на станцию тройку; кучер был в шляпе с павлинным пером и на все вопросы отвечал громко, по-солдатски: «Никак нет!» – «Точно так!» Был субботний вечер, заходило солнце. От фабрики к станции толпами шли рабочие и кланялись лошадям, на которых ехал Королев. И его пленил вечер, и усадьбы, и дачи по сторонам, и березы, и это тихое настроение кругом, когда, казалось, вместе с рабочими теперь, накануне праздника, собирались отдыхать и поле, и лес, и солнце, – отдыхать и, быть может, молиться...

Он родился и вырос в Москве, деревни не знал и фабриками никогда не интересовался и не бывал на них. Но ему случалось читать про фабрики и бывать в гостях у фабрикантов и разговаривать с ними; и когда он видел какую-нибудь фабрику издали или вблизи, то всякий раз думал о том, что вот снаружи всё тихо и смироно, а внутри, должно быть, непроходимое невежество и тупой эгоизм хозяев, скучный, нездоровий труд рабочих, дрязги, водка, насекомые. И теперь, когда рабочие почтительно и пугливо сторонились коляски, он в их лицах, картинах, в походке угадывал физическую нечистоту, пьянство, нервность, растерянность.

Въехали в фабричные ворота. По обе стороны мелькали домики рабочих, лица женщин, белье и одеяла на крыльцах. «Берегись!» – кричал кучер, не сдерживая лошадей. Вот широкий двор без травы, на нем пять громадных корпусов с трубами, друг от друга поодаль, товарные склады, бараки, и на всем какой-то серый налет, точно от пыли. Там и сям, как оазисы в пустыне, жалкие садики и зеленые или красные крыши домов, в которых живет администрация. Кучер вдруг осадил лошадей, и коляска остановилась у дома, выкрашенного заново в серый цвет; тут был палисадник с сиренью, покрытой пылью, и на желтом крыльце сильно пахло краской.

– Пожалуйте, господин доктор, – говорили женские голоса в сенях и в передней; и при этом слышались вздохи и шепот. – Пожалуйте, заждались... чистое горе. Вот сюда пожалуйте.

Госпожа Ляликова, полная, пожилая дама, в черном шелковом платье с модными рукавами, но, судя по лицу, простая, малограммальная, смотрела на доктора с тревогой и не решалась подать ему руку, не смела. Рядом с ней стояла особа с короткими волосами, в *rince-nez*, в пестрой цветной кофточке, тощая и уже не молодая. Прислуга называла ее Христиной Дмитриевной, и Королев догадался, что это гувернантка. Вероятно, ей, как самой образованной в доме, было поручено встретить и принять доктора, потому что она тотчас же, торопясь, стала излагать причины болезни, с мелкими, назойливыми подробностями, но не говоря, кто болен и в чем дело.

Доктор и гувернантка сидели и говорили, а хозяйка стояла неподвижно у двери, ожидая. Из разговора Королев понял, что больна Лиза, девушка двадцати лет, единственная дочь госпожи Ляликовой, наследница; она давно уже болела и лечилась у разных докторов, а в последнюю ночь, с вечера до утра, у нее было такое сердцебиение, что все в доме не спали; боялись, как бы не умерла.

– Она у нас, можно сказать, с малолетства была хворенская, – рассказывала Христина Дмитриевна певучим голосом, то и дело вытирая губы рукой. – Доктора говорят – нервы, но, когда она была маленькой, доктора ей золотуху внутрь вогнали, так вот, думаю, может, от этого.

Пошли к больной. Совсем уже взрослая, большая, хорошего роста, но некрасивая, похожая на мать, с такими же маленькими глазами и с широкой, неумеренно развитой нижней частью лица, непричесанная, укрытая до подбородка, она в первую минуту произвела на Королева впечатление существа несчастного, убогоего, которое из жалости пригрели здесь и укрыли, и не верилось, что это была наследница пяти

Случай из практики. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
громадных корпусов.

– А мы к вам, – начал Королев, – пришли вас лечить. Здравствуйте.

Он назвал себя и пожал ей руку, – большую, холодную, некрасивую руку. Она села и, очевидно, давно уже привыкшая к докторам, равнодушная к тому, что у нее были открыты плечи и грудь, дала себя выслушать.

– У меня сердцебиение, – сказала она. – Всю ночь был такой ужас... я едва не умерла от ужаса! Дайте мне чего-нибудь.

– Дам, дам! Успокойтесь.

Королев осмотрел ее и пожал плечами.

– Сердце, как следует, – сказал он, – всё обстоит благополучно, всё в порядке. Нервы, должно быть, подгуляли немножко, но это так обыкновенно. Припадок, надо думать, уже кончился, ложитесь себе спать.

В это время принесли в спальню лампу. Больная прищурилась на свет и вдруг охватила голову руками и зарыдала. И впечатление существа убогого и некрасивого вдруг исчезло, и Королев уже не замечал ни маленьких глаз, ни грубо развитой нижней части лица; он видел мягкое страдальческое выражение, которое было так разумно и трогательно, и вся она казалась ему стройной, женственной, простой, и хотелось уже успокоить ее не лекарствами, не советом, а простым ласковым словом. Мать обняла ее голову и прижала к себе. Сколько отчаяния, сколько скорби на лице у старухи! Она, мать, вскормила, вырастила дочь, не жалела ничего, всю жизнь отдала на то, чтобы обучить ее французскому языку, танцам, музыке, приглашала для нее десяток учителей, самых лучших докторов, держала гувернантку, и теперь не понимала, откуда эти слезы, зачем столько мук, не понимала и терялась, и у нее было виноватое, тревожное, отчаянное выражение, точно она упустила что-то еще очень важное, чего-то еще не сделала, кого-то еще не пригласила, а кого – неизвестно.

– Лизанька, ты опять... ты опять, – говорила она, прижимая к себе дочь. – Родная моя, голубушка, деточка моя, скажи, что с тобой? Пожалей меня, скажи.

Обе горько плакали. Королев сел на край постели и взял Лизу за руку.

– Полноте, стоит ли плакать? – сказал он ласково. – Ведь на свете нет ничего такого, что заслуживало бы этих слез. Ну, не будем плакать, не нужно это...

А сам подумал: «Замуж бы ее пора...»

– Наш фабричный доктор давал ей кали-бромати, – сказала гувернантка, – но ей от этого, я замечаю, только хуже. По-моему, уж если давать от сердца, то капли... забыла, как они называются... Ландышевые, что ли.

И опять пошли всякие подробности. Она перебивала доктора, мешала ему говорить, и на лице у нее было написано старание, точно она полагала, что, как самая образованная женщина в доме, она была обязана вести с доктором непрерывный разговор и непременно о медицине.

Королеву стало скучно.

– Я не нахожу ничего особенного, – сказал он, выходя из спальни и обращаясь к матери. – Если вашу дочь лечил фабричный врач, то пусть и продолжает лечить. Лечение до сих пор было правильное, и я не вижу необходимости менять врача. Для чего менять? Болезнь такая обыкновенная, ничего серьезного...

Он говорил не спеша, надевая перчатки, а госпожа Ляликова стояла неподвижно и смотрела на него заплаканными глазами.

– До десятичасового поезда осталось полчаса, – сказал он, – надеюсь, я не опоздаю.

– А вы не можете у нас остаться? – спросила она, и опять слезы потекли у нее по щекам. – Совестно вас беспокоить, но будьте так добры... ради бога, – продолжала

Случай из практики. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
она вполголоса, оглядываясь на дверь, – переночуйте у нас. Она у меня одна...
единственная дочь... Напугала прошлую ночь, опомниться не могу... Не уезжайте, бога
ради...

Он хотел сказать ей, что у него в Москве много работы, что дома его ждет семья;
ему было тяжело провести в чужом доме без надобности весь вечер и всю ночь, но
он поглядел на ее лицо, вздохнул и стал молча снимать перчатки.

В зале и гостиной для него зажгли все лампы и свечи. Он сидел у рояля и
перелистывал ноты, потом осматривал картины на стенах, портреты. На картинах,
написанных масляными красками, в золотых рамках, были виды Крыма, бурное море с
корабликом, католический монах с рюмкой, и всё это сухо, зализано, бездарно... На
портретах ни одного красивого, интересного лица, всё широкие скулы, удивленные
глаза; у Ляликова, отца Лизы, маленький лоб и самодовольное лицо, мундир мешком
сидит на его большом непородистом теле, на груди медаль и знак Красного Креста.
Культура бедная, роскошь случайная, не осмысленная, неудобная, как этот мундир;
полы раздражают своим блеском, раздражает люстра, и вспоминается почему-то
рассказ про купца, ходившего в баню с медалью на шее...

Из передней доносился шёпот, кто-то тихо хралел. И вдруг со двора послышались
резкие, отрывистые, металлические звуки, каких Королев раньше никогда не слышал
и каких не понял теперь; они отзывались в его душе странно и неприятно.

«Кажется, ни за что не остался бы тут жить...» – подумал он и опять принялся за
ноты.

– Доктор, пожалуйте закусить! – позвала вполголоса гувернантка.

Он пошел ужинать. Стол был большой, со множеством закусок и вин, но ужинали
только двое: он да Христина Дмитриевна. Она пила мадеру, быстро кушала и
говорила, поглядывая на него через *rince-nez*:

– Рабочие нами очень довольны. На фабрике у нас каждую зиму спектакли, сами
рабочие играют, ну чтения с волшебным фонарем, великолепная чайная и, кажется,
чего уж. Они нам очень приверженные и, когда узнали, что Лизаньке хуже стало,
заказали молебен. Необразованные, а ведь тоже чувствуют.

– Похоже, у вас в доме нет ни одного мужчины, – сказал Королев.

– Ни одного. Петр Никанорыч помер полтора года назад, и мы одни остались. Так и
живем втроем. Летом здесь, а зимой в Москве на Полянке. Я у них уже одиннадцать
лет живу. Как своя.

К ужину подавали стерлядь, куриные котлеты и компот; вина были дорогие,
французские.

– Вы, доктор, пожалуйста, без церемонии, – говорила Христина Дмитриевна, кушая,
utiрая рот кулачком, и видно было, что она жила здесь в свое полное
удовольствие. – Пожалуйста, кушайте.

После ужина доктора отвели в комнату, где для него была приготовлена постель. Но
ему не хотелось спать, было душно и в комнате пахло краской; он надел пальто и
вышел.

На дворе было прохладно; уже брезжил рассвет и в сыром воздухе ясно обозначались
все пять корпусов с их длинными трубами, бараки и склады. По случаю праздника не
работали, было в окнах темно, и только в одном из корпусов горела еще печь, два
окна были багровы и из трубы вместе с дымом изредка выходил огонь. Далеко за
двором кричали лягушки и пел соловей.

Глядя на корпуса и на бараки, где спали рабочие, он опять думал о том, о чем
думал всегда, когда видел фабрики. Пусть спектакли для рабочих, волшебные
фонари, фабричные доктора, разные улучшения, но всё же рабочие, которых он
встретил сегодня по дороге со станции, ничем не отличаются по виду от тех
рабочих, которых он видел давно в детстве, когда еще не было фабричных
спектаклей и улучшений. Он, как медик, правильно судивший о хронических
страданиях, коренная причина которых была непонятна и неизлечима, и на фабрики
смотрел как на недоразумение, причина которого была тоже неясна и неустранима, и

Случай из практики. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru все улучшения в жизни фабричных он не считал лишними, но приравнивал их к лечению неизлечимых болезней.

«Тут недоразумение, конечно... – думал он, глядя на багровые окна. – Тысячи полторы-две фабричных работают без отдыха, в нездоровой обстановке, делая плохой ситец, живут впроголодь и только изредка в кабаке отрываются от этого кошмара; сотня людей надзирает за работой, и вся жизнь этой сотни уходит на записывание штрафов, на брань, несправедливости, и только двое-трое, так называемые хозяева, пользуются выгодами, хотя совсем не работают и презирают плохой ситец. Но какие выгоды, как пользуются ими? Ляликова и ее дочь несчастны, на них жалко смотреть, живет в свое удовольствие только одна Христина Дмитриевна, пожилая, глуповатая девица в ринце-nez. И выходит так, значит, что работают все эти пять корпусов и на восточных рынках продается плохой ситец для того только, чтобы Христина Дмитриевна могла кушать стерлядь и пить мадеру».

Вдруг раздались странные звуки, те самые, которые Королев слышал до ужина. Около одного из корпусов кто-то бил в металлическую доску, бил и тотчас же задерживал звук, так что получились короткие, резкие, нечистые звуки, похожие на «дер... дер... дер...». Затем полминуты тишины, и у другого корпуса раздались звуки, такие же отрывистые и неприятные, уже более низкие, басовые – «дрын... дрын... дрын...». Одиннадцать раз. Очевидно, это сторожа били одиннадцать часов.

Послышалось около третьего корпуса: «жак... жак... жак...». И так около всех корпусов и потом за бараками и за воротами. И похоже было, как будто среди ночной тишины издавало эти звуки само чудовище с багровыми глазами, сам дьявол, который владел тут и хозяевами, и рабочими, и обманывал и тех и других.

Королев вышел со двора в поле.

– Кто идет? – окликнули его у ворот грубым голосом.

«Точно в остроге...» – подумал он и ничего не ответил.

Здесь соловьи и лягушки были слышнее, чувствовалась майская ночь. Со станции доносился шум поезда; кричали где-то сонные петухи, но всё же ночь была тиха, мир покойно спал. В поле, недалеко от фабрики, стоял сруб, тут был сложен материал для постройки. Королев сел на доски и продолжал думать:

«Хорошо чувствует себя здесь только одна гувернантка, и фабрика работает для ее удовольствия. Но это так кажется, она здесь только подставное лицо. Главный же, для кого здесь всё делается, – это дьявол».

И он думал о дьяволе, в которого не верил, и оглядывался на два окна, в которых светился огонь. Ему казалось, что этими багровыми глазами смотрел на него сам дьявол, та неведомая сила, которая создала отношения между сильными и слабыми, эту грубую ошибку, которую теперь ничем не исправишь. Нужно, чтобы сильный мешал жить слабому, таков закон природы, но это понятно и легко укладывается в мысль только в газетной статье или в учебнике, в той же каше, какую представляет из себя обыденная жизнь, в путанице всех мелочей, из которых сотканы человеческие отношения, это уже не закон, а логическая несообразность, когда и сильный, и слабый одинаково падают жертвой своих взаимных отношений, невольно покоряясь какой-то направляющей силе, неизвестной, стоящей вне жизни, посторонней человеку. Так думал Королев, сидя на досках, и мало-помалу им овладело настроение, как будто эта неизвестная, таинственная сила в самом деле была близко и смотрела. Между тем восток становился всё бледнее, время шло быстро. Пять корпусов и трубы на сером фоне рассвета, когда кругом не было ни души, точно вымерло всё, имели особенный вид, не такой, как днем; совсем вышло из памяти, что тут внутри паровые двигатели, электричество, телефоны, но как-то всё думалось о свайных постройках, о каменном веке, чувствовалось присутствие грубой, бессознательной силы...

И опять послышалось:

– Дер... дер... дер... дер...

Двенадцать раз. Потомтихо,тихоНо полминуты и – раздается в другом конце двора:

– Дрын... дрын... дрын...

«Ужасно неприятно!» – подумал Королев.

– Жак... жак... – раздалось в третьем месте отрывисто, резко, точно с досадой, – жак... жак...

И чтобы пробить двенадцать часов, понадобилось минуты четыре. Потом затихло; и опять такое впечатление, будто вымерло всё кругом.

Королев посидел еще немного и вернулся в дом, но еще долго не ложился. В соседних комнатах шептались, слышалось шлепанье туфель и босых ног.

«Уж не опять ли с ней припадок?» – подумал Королев.

Он вышел, чтобы взглянуть на больную. В комнатах было уже совсем светло, и в зале на стене и на полу дрожал слабый солнечный свет, проникший сюда сквозь утренний туман. Дверь в комнату Лизы была отворена, и сама она сидела в кресле около постели, в капоте, окутанная в шаль, непричесанная. Шторы на окнах были опущены.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Королев.

– Благодарю вас.

Он потрогал пульс, потом поправил ей волосы, упавшие на лоб.

– Вы не спите, – сказал он. – На дворе прекрасная погода, весна, поют соловьи, а вы сидите в потемках и о чем-то думаете.

Она слушала и глядела ему в лицо; глаза у нее были грустные, умные, и было видно, что она хочет что-то сказать ему.

– Часто это с вами бывает? – спросил он.

Она пошевелила губами и ответила:

– Часто. Мне почти каждую ночь тяжело.

В это время на дворе сторожа начали бить два часа. Послышалось – «дер... дер...», и она вздрогнула.

– Вас беспокоят эти стуки? – спросил он.

– Не знаю. Меня тут всё беспокоит, – ответила она и задумалась. – Всё беспокоит. В вашем голосе мне слышится участие, мне с первого взгляда на вас почему-то показалось, что с вами можно говорить обо всем.

– Говорите, прошу вас.

– Я хочу сказать вам свое мнение. Мне кажется, что у меня не болезнь, а беспокоюсь я и мне страшно, потому что так должно и иначе быть не может. Даже самый здоровый человек не может не беспокоиться, если у него, например, под окном ходит разбойник. Меня часто лечат, – продолжала она, глядя себе в колени, и улыбнулась застенчиво, – я, конечно, очень благодарна и не отрицаю пользы лечения, но мне хотелось бы поговорить не с доктором, а с близким человеком, с другом, который бы понял меня, убедил бы меня, что я права или неправа.

– Разве у вас нет друзей? – спросил Королев.

– Я одинока. У меня есть мать, я люблю ее, но всё же я одинока. Так жизнь сложилась... Одинокие много читают, но мало говорят и мало слышат, жизнь для них таинственна; они мистики и часто видят дьявола там, где его нет. Тамара у Лермонтова была одинока и видела дьявола.

– А вы много читаете?

– Много. Ведь у меня всё время свободно, от утра до вечера. Днем читаю, а по ночам – пустая голова, вместо мыслей какие-то тени.

Случай из практики. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

– Вы что-нибудь видите по ночам? – спросил Королев.

– Нет, но я чувствую...

Она опять улыбнулась и подняла глаза на доктора и смотрела так грустно, так умно; и ему казалось, что она верит ему, хочет говорить с ним искренно и что она думает так же, как он. Но она молчала и, быть может, ждала, не заговорит ли он.

И он знал, что сказать ей; для него было ясно, что ей нужно поскорее оставить пять корпусов и миллион, если он у нее есть, оставить этого дьявола, который по ночам смотрит; для него было ясно также, что так думала и она сама и только ждала, чтобы кто-нибудь, кому она верит, подтвердил это.

Но он не знал, как это сказать. Как? У приговоренных людей стесняются спрашивать, за что они приговорены; так и у очень богатых людей неловко бывает спрашивать, для чего им так много денег, отчего они так дурно распоряжаются своим богатством, отчего не бросают его, даже когда видят в нем свое несчастье; и если начинают разговор об этом, то выходит он обыкновенно стыдливый, неловкий, длинный.

«Как сказать? – раздумывал Королев. – Да и нужно ли говорить?»

И он сказал то, что хотел, не прямо, а окольным путем:

– Вы в положении владелицы фабрики и богатой наследницы недовольны, не верите в свое право и теперь вот не спите, это, конечно, лучше, чем если бы вы были довольны, крепко спали и думали, что все обстоит благополучно. У вас почтенная бессонница; как бы ни было, она хороший признак. В самом деле, у родителей наших был бы немыслим такой разговор, как вот у нас теперь; по ночам они не разговаривали, а крепко спали, мы же, наше поколение, дурно спим, томимся, много говорим и всё решаем, правы мы или нет. А для наших детей или внуков вопрос этот, – правы они или нет, – будет уже решен. Им будет виднее, чем нам. Хорошая будет жизнь лет через пятьдесят, жаль только, что мы не дотянем. Интересно было бы взглянуть.

– Что же будут делать дети и внуки? – спросила Лиза.

– Не знаю... Должно быть, побросают всё и уйдут.

– Куда уйдут?

– Куда?.. Да куда угодно, – сказал Королев и засмеялся. – Мало ли куда можно уйти хорошему, уному человеку.

Он взглянул на часы.

– Уже солнце взошло, однако, – сказал он. – Вам пора спать. Раздевайтесь и спите себе во здоровье. Очень рад, что познакомился с вами, – продолжал он, пожимая ей руку. – Вы славный, интересный человек. Спокойной ночи!

Он пошел к себе и лег спать.

На другой день утром, когда подали экипаж, все вышли на крыльцо проводить его. Лиза была по-праздничному в белом платье, с цветком в волосах, бледная, томная; она смотрела на него, как вчера, грустно и умно, улыбалась, говорила, и всё с таким выражением, как будто хотела сказать ему что-то особенное, важное, – только ему одному. Было слышно, как пели жаворонки, как звонили в церкви. Окна в фабричных корпусах весело сияли, и, проезжая через двор и потом по дороге к станции, Королев уже не помнил ни о рабочих, ни о свайных постройках, ни о дьяволе, а думал о том времени, быть может, уже близком, когда жизнь будет такою же светлою и радостной, как это тихое, воскресное утро; и думал о том, как это приятно в такое утро, весной, ехать на тройке, в хорошей коляске и греться на солнышке.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://chekhovanton.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
Страница 6

Случай из практики. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!